

Мужчины VS женщин: гендерная асимметрия при восприятии возраста ровесников — мужчин и женщин

Воронцова Т.А.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ),

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1717-7059>, e-mail: shkurko@sfned.ru

Цель. Изучение особенностей конструирования воспринимаемого возраста мужчин и женщин-ровесников.

Контекст и актуальность. Актуальность работы определяется фундаментальным характером проблемы конструирования возраста и недостатком исследований гендерно-возрастных факторов воспринимаемого возраста.

Дизайн исследования. Фотографии трех пар мужчин/женщин-ровесников были представлены «оценщикам» для оценки их возраста с помощью сравнения и прямой оценки.

Участники. Подвыборку «Сравнение» составили 155 человек (109 женщин, 46 мужчин в возрасте 17–60 лет), подвыборку «Оценка» составили 60 человек (47 женщин, 13 мужчин в возрасте 17–77 лет).

Метод. Процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» (автор Т.А. Воронцова).

Результаты. Обнаружена гендерная асимметрия в восприятии возраста мужчин и женщин: молодые женщины воспринимаются старше мужчин того же возраста, а зрелые — моложе, причем чем старше женщина, тем более выражена гендерная асимметрия. На конструирование возраста мужчин и женщин-ровесников влияет возраст и пол субъекта восприятия: чем больше разница в возрасте субъекта и объекта восприятия, тем в меньшей степени он фиксирует разницу в возрасте мужчин и женщин-ровесников, относящихся к максимально отдаленной от субъекта восприятия возрастной группе; среди мужчин-субъектов восприятия выше доля тех, кто оценивает женщину (любой возрастной группы) старше мужчины, а среди женщин — доля тех, кто оценивает мужчину старше женщины. Актуализация разных механизмов социального познания (сравнение и оценка) при конструировании субъектом восприятия возраста незнакомых мужчин и женщин дает сходные результаты.

Основные выводы. Обнаружены гендерно-специфичные закономерности конструирования воспринимаемого возраста при восприятии мужчин и женщин-ровесников, обусловленные гендерными стереотипами и связанными с ними практиками ухода за своим внешним обликом: зрелые женщины выглядят моложе ровесников-мужчин, уравнивая свои возможности и ресурсы с помощью более молоджавого внешнего облика; молодые женщины выглядят старше своих ровесников-мужчин, демонстрируя зрелость, ассоциированную с более старшим воспринимаемым возрастом.

Ключевые слова: возраст, воспринимаемый возраст, внешний облик, социальное познание, социальное восприятие, мужчины, женщины, возрастные группы, гендерная асимметрия, эйджизм.

Финансирование. Исследование выполнено в Южном федеральном университете при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-01763, <https://rscf.ru/project/22-28-01763/>.

Для цитаты: Воронцова Т.А. Мужчины VS женщин: гендерная асимметрия при восприятии возраста ровесников – мужчин и женщин // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 47–67. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130404>

Men VS Women: Gender Asymmetry in Age Perceptions of Men and Women of the Same Age

Tatyana A. Vorontsova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1717-7059>, e-mail: shkurko@sfnu.ru

Objective. *To describe the specific ways of age perceptions in men and women of the same age.*

Background. *The relevance of the study is grounded in the fundamental nature of age construction due to social perception and the shortage of research on gender-age dimensions of perceived age.*

Study design. *Photos of three pairs of the same aged men/women were presented to age evaluations by between comparison and direct evaluation.*

Participants. *The “Between comparison” subsample consisted of 155 people (109 women, 46 men aged 17–60 years), the “Direct evaluation” subsample consisted of 60 people (47 women, 13 men aged 17–77 years).*

Measurements. *“Photo-video-presentation of appearance” procedure designed by T.A. Vorontsova.*

Results. *Gender asymmetry was found in age perception of men and women: young women are perceived to be older than men of the same ages, mature women are perceived younger. We found that the older the woman, more salient is gender asymmetry in age perception. The age construction of men and women of the same age due to social perception is influenced by age and gender of perceived individual: the greater age difference between perceiving individual and perceived social object, the less the difference in the perceived age of men and women of the same age if the perceived objects are highly older than perceiving subjects. Among male perceiving subjects, we found higher proportion of those who evaluate all women (of any ages) older than men; and among women there are higher proportion of those who evaluate any male older than females. Actualization of different mechanisms of social cognition (comparison and evaluation) when constructing the perceived age of unfamiliar men and women gives similar results.*

Conclusions. *Gender-specific patterns of the construction of perceived age in the perception of men and women of the same age are found, due to gender stereotypes and related practices of caring for their appearance: mature women look younger than their male peers, equalizing their capabilities and resources with a more youthful appearance; young women look older than their male peers, demonstrating maturity associated with an older perceived age.*

Keywords: *age, perceived age, appearance, social cognition, social perception, men, women, age groups, gender asymmetry, ageism.*

Funding. *The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 22-28-01763, <https://rscf.ru/en/project/22-28-01763/> at the Southern Federal University.*

For citation: Vorontsova T.A. Men VS Women: Gender Asymmetry in Age Perceptions of Men and Women of the Same Age. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 4, pp. 47–67. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130404> (In Russ.).

Введение

Актуальность изучения специфики восприятия возраста мужчин и женщин-ровесников в современной отечественной социальной психологии определяется несколькими аргументами.

Во-первых, исходя из того, что при восприятии возраста мужчин и женщин-ровесников может быть актуализирован целый комплекс проблем, связанных с гендерной и возрастной дискриминацией. По мнению ученых [12; 15], возрастная дискриминация является самой распространенной на рынке труда и превышает гендерную. Существует возрастная типизация рабочих мест [37]: вакансии, требующие ручного труда или использования технологий, относятся к «молодому типу»; рабочие места, требующие больших инвестиций в обучение или образование, относятся к более «старому» типу вакансий. Учеными [40] выделяются два типа возрастной дискриминации при приеме на работу: «жесткий» и «мягкий». «Жесткая» дискриминация отражает запрещенные законом виды поведения, «мягкая» дискриминация не вписана в правовую систему, происходит преимущественно в межличностной сфере, имеет негативные последствия для карьеры и чаще встречается среди женщин.

В результате трансформации возрастной дискриминации в скрытую («мягкую») форму проблема соискателя «быть молодым» превращается в проблему «казаться моложе» (выглядеть моложе), особенно с учетом старения населения в России и мире и тенденции увеличения пенсионного возраста. Изучение особенностей восприятия возраста мужчин и женщин-ровесников могло бы выявить гендерный паритет/асимметрию, что пролило бы свет на особенности конструирования впечатления о возрасте кандидата при найме на работу и движении персонала по карьерной лестнице.

Во-вторых, проблема изучения гендерных аспектов восприятия возраста имеет фундаментальный характер, так как относится к проблеме социального познания, отправной точкой которого в данном случае является внешний облик (ВО) человека, который дает информацию о его возрасте [23]. ВО определяется как «... феномен, отражающий различные этапы жизненного пути на основе динамичных, вариабельных взаимосвязей трех компонентов: 1) физического, 2) социального облика, 3) экспрессивного поведения» [16, с. 202]. В современных исследованиях выделяется особый вид возраста — «воспринимаемый возраст» («perceived age»), который представляет собой «результат социального восприятия одного человека другим» [26, с. 79], «возраст, приписанный человеку (объекту восприятия) другим человеком (субъектом восприятия, оценщиком) в результате восприятия его ВО» [25, с. 450]. В зарубежных базах данных первая публикация с термином «perceived age» датирована 1974 годом [34], в РИНЦ понятие «воспринимаемый возраст» (ВВ) впервые появляется в публикации 2015 года [26]. В работах Т.А. Воронцовой (Шкурко), В.А. Лабунской, Е.Г. Николаевой [8; 25; 26], посвященных поиску психологических детерминант и особенностей конструирования ВВ, описаны структура восприятия возраста; иерархия компонентов ВО, участвующих в конструировании ВВ; определено дифференцированное влияние отдельных компонентов ВО человека на его ВВ; проанализированы факторы ВВ. Изучение гендерных особенностей восприятия возраста незнакомого другого является одной из перспективных задач при изучении факторов и механизмов конструирования ВВ, которая в настоящее время не решена в полной мере ни в отечественной, ни в зарубежной науке, в том числе и из-за существующего на се-

годняшний день разрыва в исследованиях на молодых и пожилых выборках, а также имеющегося дефицита баз данных, включающих фотографии лиц пожилого возраста. Тем не менее нами обнаружен ряд интересных исследований, релевантных поставленной задаче. Так, в исследовании М.С. Воелкле и коллег [42] изучены детерминанты точности в оценке возраста, в том числе гендерные детерминанты. Ученые обнаружили ряд закономерностей: способность к оценке возраста другого человека снижалась с возрастом; и пожилые, и молодые респонденты более точно оценивали возраст представителей тех возрастных групп, к которым сами принадлежали; возраст пожилых лиц было труднее оценить, чем возраст более молодых лиц; на точность оценки возраста влияло выражение лица объекта восприятия. Учеными не было зафиксировано влияние пола на обнаруженные закономерности.

Исследование А. Гевирц-Мейдан и Л. Аялон [32], посвященное визуальным презентациям пола и возраста на сайтах знакомств для пожилых людей, показало, что ВВ большинства мужчин и женщин на фотографиях сайтов моложе 60 лет; пожилые женщины, по сравнению с мужчинами, в большей степени представлены как более молодые. Авторы, анализируя антивозрастные послания изображенных на фотографиях людей, делают вывод о социальной регуляции сексуальности в пожилом возрасте: любовь, близость и сексуальная активность предназначены для тех пожилых людей, которые «вечно молоды».

В серии исследований, проведенных Ф. Фламент и коллегами, посвященных изучению гендерных различий в старении лица китайских испытуемых и их связи с ВВ [29], французских испытуемых европейской расы и их связи с ВВ и усталостью [31], лицевых характеристик лица корейских мужчин и их связи с восприяти-

ем возраста и идентификации взгляда как усталого [30], сделан ряд выводов. В первом исследовании выделены пять основных возрастных признаков старения лица китайских испытуемых (морщины на лбу, «гусиные лапки», носогубная складка, линии марионетки (морщины, образованные губоподбородочными кожными складками), птоз нижней части лица); показано, что старение кожи лица у китайских испытуемых представляет собой линейную прогрессию с возрастом, характерную для обоих полов, за исключением линий марионеток, которые более выражены и быстрее прогрессируют у женщин; «оценщики» в большей степени фокусируются на состоянии верхней части лица при восприятии возраста у китайских женщин и на нижнюю часть лица — у мужчин.

Аналогичное исследование, проведенное на выборке французских граждан европейской расы, выявило сходные тенденции, а также показало, что восприятие усталости связано с ВВ у мужчин, но не у женщин старше 40 лет. Отдельное исследование, посвященное изучению вклада лицевых признаков и усталого взгляда в ВВ корейских мужчин разного возраста, показало, что 85% испытуемых были оценены старше на 1–15 лет; наиболее значительный вклад в ВВ делают «морщины/текстура» и «птоз/провисание» (81%), «пигментация» (19%); идентификация взгляда как усталого увеличивает ВВ.

В исследовании А. Нкенгне и коллег [35] выстроены регрессионные модели, показывающие вклад характеристик кожи лица европейских женщин в прогнозирование их ВВ (наибольший вклад у глаз, губ и однородного цвета кожи), также выявлено влияние гендера и возраста на восприятие возраста: женщины более точны, чем мужчины, молодые «оценщики» (моложе 35 лет) более точны, чем зрелые (старше 50).

В отечественной науке специальных работ, посвященных изучению гендерного фактора ВВ незнакомого человека, нами не обнаружено. При этом в исследовании А.А. Демидова, Д.А. Дивеева, А.В. Кутенева [10], посвященном изучению оценки возраста и индивидуально-психологических характеристик человека по выражению лица, был применен оригинальный дизайн с использованием в качестве стимульного материала фотографий мужчины и женщины-ровесников, сфотографированных в различных возрастных периодах. Авторы получили интересные данные о зависимости актуализируемых механизмов межличностного восприятия от возраста «натурщика». И хотя авторы специально не проводят гендерный анализ полученных данных, в работе приводятся средние оценки возраста, приписанные натурщикам «оценщиками» (что, собственно, и является их ВВ). Разница между ВВ мужчины и женщины (ВВм-ВВж) в различные возрастные интервалы составила: в возрасте 20 лет (мужчина)/19 лет (женщина) — 0,15 года; в возрасте 32/31 год — 0,8 года; в возрасте 43/42 года — 1,2 года; в возрасте 53/53 года разницы не было обнаружено; в возрасте 56/64 лет разница составляла уже 2,6 лет. По этим данным можно предположить, что существует некоторая гендерная асимметрия в восприятии возраста мужчин и женщин-ровесников (зрелые мужчины выглядят старше женщин).

Также в работе В.А. Барабанщикова и Е.В. Суворовой [4], посвященной гендерным различиям в распознавании эмоционального состояния стороннего человека, показано, что «гендерный фактор восприятия мультимодальных динамических эмоциональных состояний представляет собой гибкую систему детерминант, которая наряду с полом

и возрастом включает другие характеристики субъекта и объекта межличностного восприятия, а также контекст и формы реализуемой активности» [4, с. 114]. В работе В.Ф. Петренко и коллег [20], посвященной психосемантическому исследованию визуального восприятия женщин мужчинами, также показано, что оценка визуального объекта воспринимающим субъектом зависит как от особенностей объекта, так и от особенностей субъекта восприятия. Также отечественными учеными [18] изучались гендерные особенности восприятия возрастных изменений женщинами 40–60 лет.

Интерес представляет группа исследований, посвященных изучению образа мужчины и женщины в русских и английских пословицах и поговорках, касающихся возраста и ВО. Н.Э. Ахмедова [2] фиксирует возраст мужчины и женщины как один из критериев противопоставления их качеств в английской фразеологии. Так, в случае женщины большинство фразеологизмов имеет негативную эмоциональную окраску («старая ведьма», «старая кляча»), в случае с описанием возраста мужчины фразеологизмы не несут пренебрежительной эмоциональной окраски; также для английской фразеологии характерно акцентирование внешности женщины: «возраст мужчины определяется тем, как он себя чувствует, а женщины — как она выглядит». В работе К.А. Листраткиной [17], Э.А. Сайдашевой и Л.А. Нургалиевой [21] фиксируется, что такое противопоставление не характерно для носителей русского языка. Е. Диас и Е. Арсентьева [11] отмечают, что в обоих языках имеются фразеологизмы, пренебрежительно или презрительно характеризующие стариков, как мужчин, так и женщин.

Также в работах, выполненных в рамках гендерной методологии [9; 13; 14], внимание исследователей обращено на причины гендерных различий в восприятии и интерпретации возраста, возрастных изменений ВО, отношении к старению и практиках «контроля стареющего тела» [9]. И.А. Григорьева [9], анализируя особенности «предписанных» сценариев старения женщин в современной России, говорит о том, что «пожилые женщины подвергаются двойной стигматизации — как женщины и как пожилые» [9, с. 5]. И.С. Клецина, Е.В. Иоффе [14] выделяют заботу о своей внешности в качестве нормативного предписания относительно женского ролевого поведения. И.С. Клецина в работе, посвященной гендерной социализации в пожилом возрасте, обращает внимание на «двойной стандарт старения» [13, с. 27], характерный для традиционалистских гендерных норм: статус стареющей женщины в традиционном обществе значительно ниже, чем стареющего мужчины. Современный французский философ П. Брюкнер [6] также анализирует гендерный стереотип «женщина стареет, мужчина мужает» («женщина дурнеет с возрастом, мужчина становится прекраснее»), подчеркивая его влияние на сферу интимных отношений, позволяющий и даже предписывающий пожилому мужчине иметь сексуальные отношения с партнером значительно моложе его, и отказывающийся зрелой женщине в аналогичном поведении, равно как и в любовных отношениях вообще, предписывая ей сосредоточиться на домашнем хозяйстве и заботе о внуках. Женщина, реализующая иной сценарий, «бросает вызов гендерным ожиданиям» [28].

Таким образом, проведенный выше анализ позволяет констатировать: 1) в современных исследованиях при изучении

гендерного фактора конструирования возраста человека ученые анализируют переменные (как правило, пол и возраст), относящиеся как к объекту восприятия, так и к субъекту восприятия, что соответствует методологии отечественной психологии социального познания [1; 5] и коммуникативного подхода к исследованию когнитивных процессов в общении [3; 4]; 2) гендерные различия в конструировании возраста объекта восприятия в глазах субъекта восприятия детерминированы гендерными нормами, предписаниями, стереотипами и установками, что требует опоры на гендерную методологию как при обосновании гипотезы, так и при интерпретации полученных результатов; 3) в исследованиях гендерных аспектов социального восприятия активно используются фотовизуальные технологии; 4) изучены гендерные различия в старении лица, вклад компонентов лица в ВВ на китайских, корейских и французских выборках; 5) отсутствуют исследования, в которых бы анализировались гендерные факторы в сочетании с возрастными в процессе конструирования ВВ на российских выборках; 6) отсутствуют работы, в которых исследователи обращаются к анализу всех компонентов ВО и их вклада в ВВ.

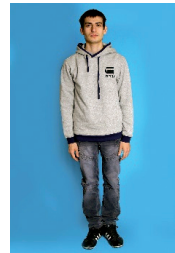
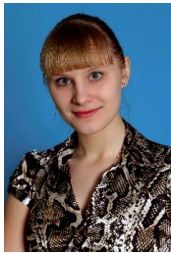
Целью нашего исследования стало изучение особенностей конструирования ВВ мужчин и женщин-ровесников. Гипотезой исследования выступило предположение, что при восприятии возраста мужчин и женщин-ровесников может быть обнаружена гендерная асимметрия, опосредованная возрастом и полом субъекта и объекта восприятия.

Исследование выполнено в рамках социально-психологического подхода к ВО [16; 23] и в опоре на гендерную методологию и идеи гендерного подхода [7; 9; 13; 14; 22].

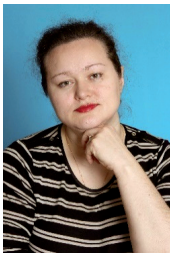
Метод

Основным методом исследования выступила процедура «Фотовидеопрезентации ВО» Т.А. Воронцовой [24]. Из комплекта фотографий № 1 были отобраны портретные и ростовые фотографии трех женщин и трех мужчин, возраст которых в парах женщина/мужчина примерно одинаков, при этом пары относятся к различным возрастным группам (рисунок). Первая пара (м/ж, 23 года) относится к возрастному периоду «молодость» (в соответствии с возрастной

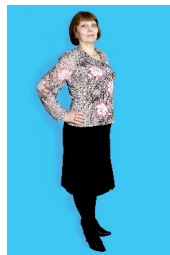
периодизацией Д.Б. Эльконина [27]), вторая пара (м/ж, 38/40 лет) относится к периоду «зрелость», к началу этого возрастного периода («зрелость — до 50 лет»); третья пара (м/ж, 59 лет) относится к «зрелому» возрасту, к окончанию этого периода («зрелость — после 50 лет»). От всех объектов восприятия, чьи фотографии использовались в эксперименте, было получено согласие на использование их фотоизображений в психологических исследованиях с последующей публикацией.

Первая пара женщина/мужчина (23 года)

Вторая пара женщина/мужчина (40/38 лет)

Третья пара женщина/мужчина (59 лет)

Рис. Фотографии женщин и мужчин-ровесников из процедуры «Фотовидеопрезентации ВО»

Выделение при выборе фотографий для оценки возраста вышеназванных подпериодов (до 50 и после 50 лет) обосновано тем, что именно во второй части этого периода нарастают возрастные изменения ВО, которые сопряжены с изменением человека в возрасте 50–60 лет. Некоторые ученые [6] говорят об этом возрасте как особом этапе жизни, как о новой возрастной категории, находящейся между зрелыми и пожилыми людьми.

В качестве основного способа определения ВВ нами было использовано сравнение. Этот способ заключался в сравнении респондентами фотоизображений мужчин и женщин-ровесников (портретная и ростовая фотографии мужчины и женщины экспонировались одновременно, в одном акте восприятия), результатом чего выступало заключение «оценщика», есть ли различие в их возрасте. Относительно каждой пары респонденты отвечали на два вопроса: 1) «Кто из предложенной Вам пары людей старше?», выбирая один вариант из трех: «женщина старше мужчины»; «мужчина старше женщины»; «возраст женщины и мужчины одинаков»; 2) «Что во ВО этих людей позволяет Вам сделать этот вывод?». Полученные в результате ответа на второй вопрос высказывания были проанализированы с помощью процедуры контент-анализа свободных описаний критериев оценки возраста воспринимаемых других Т.А. Воронцовой [26].

Дополнительно нами был использован также второй, более традиционный способ выявления ВВ другого человека, основанный на мировой практике его определения [24]. Второй способ (оценка) заключался в экспонировании фотографий «моделей» в случайном порядке, причем одновременно «оценщик» видел только одну фотографию «модели» (пор-

третные и ростовые фотографии предьявлялись отдельно). Относительно каждой фотографии респондентам был задан один вопрос: «Сколько лет человеку на фотографии?». В целом, выбор способов определения ВВ базируется на понимании оценки объекта восприятия и его сравнения с другими социальными объектами как основных механизмов социального восприятия и познания [1]. Для того, чтобы избежать влияния способа предьявления фотографий на приписывание возраста «моделям», а также выяснить, влияет ли способ актуализации процессов конструирования возраста незнакомого человека у субъекта восприятия на результирующую его восприятия (в качестве которой выступает в первом случае решение о том, кто старше в паре или возраст одинаков, а во втором случае — конкретная оценка возраста), первый и второй способ оценки возраста «моделей» был реализован на разных выборках.

Выборка исследования. В исследовании в качестве субъектов восприятия выступили 215 человек. Первую подвыборку («сравнение») составили 155 человек: 109 женщин и 46 мужчин в возрасте от 17 до 60 лет, $M=29,18$. Распределение респондентов по возрасту было следующим: 1) «второй период юности» (17–20 лет) — 44 человека; 2) «молодость» (21–34 года) — 65 человек; 3) «зрелость» (35–60 лет) — 46 человек. Вторую подвыборку («оценка») составили 60 человек (47 женщин, 13 мужчин в возрасте от 14 до 77 лет, $M=38$).

Результаты

Гендерно-возрастной анализ результатов оценки возраста мужчин и женщин-ровесников представлен в табл. 1 и 2. Нами был подсчитан процент выбора каждого из трех вариантов ответа в целом по выборке, а также отдельно

по женщинам и мужчинам (табл. 1) и по возрастным группам (табл. 2).

Анализ результатов показывает, что примерно треть всех «оценщиков» фиксируют, что возраст оцениваемых женщин и мужчин одинаков. Большинство же опрошенных фиксирует разницу в возрасте, причем эта разница меняется в зависимости от возрастного этапа, на котором находятся воспринимаемые мужчины и женщины.

Так, молодая женщина (23 лет) была оценена как «старше мужчины» того же возраста (41%, в 1,8 раза больше, чем противоположная оценка); зрелая женщина (40 лет) уже с перевесом в 2,3 раза (21% и 48% соответственно) оценивается как более молодая, чем мужчина аналогичного возраста; и «зрелая» женщина после 50 лет (59 лет) оценивается как более молодая уже 62% респондентов, что в 8 раз больше, чем количество респондентов, придерживающихся противоположной точки зрения.

То есть мы обнаруживаем гендерную асимметрию в восприятии возраста

мужчин и женщин: молодые женщины воспринимаются старше мужчин того же возраста, а зрелые (как до, так и после 50 лет) — моложе, причем чем старше женщина, тем более выражена эта гендерная асимметрия.

При сравнении подвыборок мужчин и женщин выявленная закономерность сохраняется с той лишь разницей, что среди мужчин несколько выше доля тех, кто оценивает женщину старше мужчины, а среди женщин — доля тех, кто оценивает мужчину старше женщины.

Сравнение результатов восприятия возраста женщин и мужчин-ровесников, полученных в подгруппах «юные», «молодые», «зрелые», показывает тот же переко в восприятии возраста мужчин и женщин-ровесников, что и на общей выборке, а именно:

1) при восприятии молодых мужчины и женщины-ровесников (первая пара, 23 года) большинство респондентов считают, что женщина старше мужчины (эта тенденция максимальна для «юных» и «молодых» респондентов — 47,7% и

Таблица 1
Особенности восприятия возраста ровесников — мужчин и женщин

Вариант ответа	1 пара М/Ж (23 года)	2 пара М/Ж (38/40 лет)	3 пара М/Ж (59 лет)
Выборка в целом			
1. женщина старше мужчины	43,2%	21,3%	7,1%
2. мужчина старше женщины	20,7%	50,3%	57,4%
3. возраст женщины и мужчины одинаков	36,1%	28,4%	35,5%
Женщины			
1. женщина старше мужчины	41,3%	21,1%	5,5%
2. мужчина старше женщины	22%	51,4%	58,7%
3. возраст женщины и мужчины одинаков	36,7%	27,5%	35,8%
Мужчины			
1. женщина старше мужчины	47,8%	21,8%	10,9%
2. мужчина старше женщины	17,4%	47,8%	54,3%
3. возраст женщины и мужчины одинаков	34,8%	30,4%	34,8%

Особенности восприятия взрослыми, принадлежащими к различным возрастным группам, возраста ровесников — мужчин и женщин

Вариант ответа	Первая пара мужчина/ женщина (23 года)	Вторая пара мужчина/ женщина (38/40 лет)	Третья пара мужчина/ женщина (59 лет)
Юные (17–20 лет)			
1. женщина старше мужчины	47,7%	18,2%	4,6%
2. мужчина старше женщины	18,2%	56,8%	47,7%
3. возраст женщины и мужчины одинаков	34,1%	25%	47,7%
Молодые (21–34 года)			
1. женщина старше мужчины	50,8%	18,5%	10,8%
2. мужчина старше женщины	24,6%	53,8%	60%
3. возраст женщины и мужчины одинаков	24,6%	27,7%	29,2%
Зрелые (35–60 лет)			
1. женщина старше мужчины	28,3%	28,3%	4,3%
2. мужчина старше женщины	17,4%	39,1%	63%
3. возраст женщины и мужчины одинаков	54,3%	32,6%	32,6%

50,8% и несколько снижается у «зрелых» респондентов);

2) при восприятии зрелых мужчин и женщин (вторая пара, 38/40 лет, третья пара, 59 лет) большинство респондентов считают, что женщина моложе мужчины. При этом относительно второй пары ровесников (40/38 лет) эта тенденция несколько снижается с возрастом респондентов (56,8% «юных» респондентов, 53,8% «молодых» респондентов и 39,1% «зрелых» респондентов считают, что мужчина старше женщины); относительно третьей пары ровесников (59 лет) эта тенденция растет (47,7% «юных» респондентов, 60% «молодых» респондентов и 63% «зрелых» респондентов считают, что мужчина старше женщины);

3) 47,7% респондентов подгруппы «юные» (по сравнению с 35,5% респондентов выборки в целом) правильно фиксируют одинаковый возраст более зрелой

пары (третья пара, 59 лет), а 54,3% подгруппы «зрелые» (по сравнению с 36,1% респондентов общей выборки) правильно фиксируют одинаковый возраст более молодой пары (первая пара, 23 года).

Иными словами, чем больше разница в возрасте субъекта и объекта восприятия, тем в меньшей степени он фиксирует разницу в возрасте мужчин и женщин-ровесников, относящихся к максимально отдаленной от субъекта восприятия возрастной группе.

Для подтверждения данных о гендерной асимметрии в восприятии возраста мужчин и женщин-ровесников, полученных с помощью метода «сравнения», обратимся к их возрасту, полученному с помощью традиционного способа прямого оценивания. К данным, полученным относительно возраста каждой пары мужчина/женщина в выборке из 60 «оценщиков» (60 оценок возраста по

каждой фотографии, 12 фотографий, всего 720 оценок возраста), был применен критерий Уилкоксона, который применяется к однородным данным в целях выявления так называемого «эффекта обработки» (табл. 3). Также по каждой из «моделей» (по ростовой и портретной фотографии отдельно) посчитаны средние значения оценок ее возраста или собственно ВВ «модели» (табл. 4).

Результаты сравнения оценок возраста мужчин и женщин-ровесников, полученных на другой выборке «оценщиков» и с применением другого способа конструирования ВВ незнакомого человека (прямая оценка), сходны с описанными выше. Возраст женщины из первой пары оценен как более зрелый по сравнению с мужчиной; возраст женщин из второй и третьей пар оценен как меньший по

Таблица 3
Сравнительный анализ воспринимаемого возраста ровесников – мужчин и женщин по критерию Уилкоксона

Ранги	N	Средний ранг	Сумма рангов	Статистика критерия/уровень значимости	N	Средний ранг	Сумма рангов	Статистика критерия/уровень значимости
1 пара (мужчина/женщина, 23 года)								
Сравнение ростовых фото				Сравнение портретных фото				
Отрицательные ранги (ВВ жен. < ВВ муж.)	12	20,83	250	-4,248 / 0,000	17	24,82	422	-2,926 / 0,003
Положительные ранги (ВВ жен. > ВВ муж.)	42	29,40	1235		38	29,42	1118	
Связи (ВВ жен. = ВВ муж.)	6				5			
2 пара (мужчина/женщина, 38/40 лет)								
Сравнение ростовых фото				Сравнение портретных фото				
Отрицательные ранги (ВВ жен. < ВВ муж.)	38	29,22	1110,50	-2,555 / 0,011	43	28,98	1246	-3,995 / 0,000
Положительные ранги (ВВ жен. > ВВ муж.)	18	26,97	485,50		12	24,50	294	
Связи (ВВ жен. = ВВ муж.)	4				5			
3 пара (мужчина/женщина, 59 лет)								
Сравнение ростовых фото				Сравнение портретных фото				
Отрицательные ранги (ВВ жен. < ВВ муж.)	45	27,93	1257	-5,197 / 0,000	39	24,03	937	-4,352 / 0,000
Положительные ранги (ВВ жен. > ВВ муж.)	7	17,29	121		7	20,57	144	
Связи (ВВ жен. = ВВ муж.)	8				14			

Примечание. N – количество рангов; ВВ жен. – воспринимаемый возраст женщины; ВВ муж. – воспринимаемый возраст мужчины.

Таблица 4

Воспринимаемый возраст ровесников – мужчин и женщин, полученный с помощью усредненной оценки их возраста, приписанного субъектами восприятия

ВВ	1 пара (рост)	1 пара (портрет)	2 пара (рост)	2 пара (портрет)	3 пара (рост)	3 пара (портрет)
мужчины	24,9	24,7	42,2	42,6	61,3	63,5
женщины	28,3	26,6	39,4	38,8	55,8	59,6
ВВ муж. – ВВ жен.	-3,4	-1,9	2,8	3,8	5,5	3,9
ВВ муж. – ВВ жен. (без учета типа фотографирования)	-2,65		3,3		4,7	

Примечание. ВВ муж. – ВВ жен. – разница между воспринимаемым возрастом мужчины и женщины в каждой паре.

сравнению с женщиной; данные различия зафиксированы как при оценивании возраста по ростовой фотографии, так и при экспонировании портретного фото; наибольшие различия в ВВ наблюдаются относительно третьей пары мужчина/женщина из возрастной группы «зрелость после 50».

Анализ средних оценок возраста показывает, что возраст и мужчины, и женщины из первой пары («молодость») переоценивается, но возраст женщины переоценивается в большей степени; возраст женщины из второй пары оценивается более приближенно к ее хронологическому возрасту, а возраст мужчины завышается в среднем на 4 года; возраст женщины из третьей пары занижается на ростовом фото и приближен к ее хронологическому возрасту на портретном, а возраст мужчины значительно завышается (от 2 лет на ростовом фото до 4 лет на портретном). В целом разница между возрастом мужчины и женщины (без учета типа фотографирования) изменяется от -2,65 (первая пара) до 3,3 (вторая пара) и 4,7 (третья пара).

Отдельной задачей нашего исследования было выявление того, на какие компоненты ВО «моделей» опирается

воспринимающий человек при оценке возраста ровесников. Нами было получено 507 содержательных высказываний при ответе на вопрос «Что во ВО этих людей позволяет Вам сделать этот вывод?» (171 – относительно первой пары, 169 – второй и 167 – третьей), которые были проанализированы с помощью процедуры контент-анализа свободных описаний критериев оценки возраста воспринимаемых других, предложенной в одной из наших работ [26]. Далее были подсчитаны доли единиц контент-анализа, в качестве которых выступают элементы ВО человека, в общем массиве высказываний относительно каждой пары (в %, округленных до целых чисел) и проранжированы. В табл. 5 представлены ранжированные критерии оценки возраста мужчин и женщин-ровесников.

При восприятии молодой пары участники исследования фиксируют старомодную одежду женщины (по сравнению с женщиной в молодежной одежде, который из-за этого выглядит как подросток), ее «взрослый» взгляд, отмечают, что ее «старит» прическа. При восприятии второй пары участники исследования отмечают, что у мужчины значительно боль-

Таблица 5

Сравнительный анализ критериев оценки возраста ровесников — мужчин и женщин

Ранги	1 пара мужчина/женщина (23 года)	2 пара мужчина/женщина (38/40 лет)	3 пара мужчина/женщина (59 лет)
1	«одежда» (20%)	«морщины» (17%)	«морщины» (25%)
2	«взгляд» (18%)	«лицо в целом» (11%), «телосложение» (фигура, полнота) (11%)	«лицо в целом» (11%), «одежда» (11%), «так вы- глядят» (11%)
3	«лицо в целом» (15%)	«одежда» (9%), «приче- ска» (9%)	«кожа лица» (8%)
4	«прическа» (9%)	«так выглядят» (8%)	«взгляд» (7%), «ВО в целом» (возрастные из- менения) (7%)
5	«так выглядят» (общее впечатление о ВО) (8%)	«кожа лица» (7%)	«прическа» (5%), «телос- ложение» (5%)
6	«кожа лица» (6%), «ВО в целом» (6%)	«взгляд» (6%)	«выражение лица» (3%)
7	«поза» (4%), «телосложе- ние» (4%)	«ВО в целом» (5%)	«поза» (2%), «лысина» (2%)
8—11	«выражение лица» (3%), «гендерно-возрастные и профессионально-ролевые стереотипы» (3%), «мор- щины» (2%), «шея» (1%), «макияж» (0,5%), «руки» (0,5%), «овал лица» (0,5%)	«выражение лица» (4%), «шея» (4%), «овал лица» (2%), «гендерно-возраст- ные и профессиональ- но-ролевые стереотипы» (2%), «поза» (2%), «лы- сина» (2%), «очки» (2%), «макияж» (1%)	«гендерно-возрастные и профессионально-ролевые стереотипы» (1%), «овал лица» (1%), «макияж» (0,5%)

ше морщин, его «лицо выдает возраст», значительное количество высказываний посвящено анализу особенностей телосложения моделей, причем одна и та же характеристика (полнота) выступает аргументом и «за» и «против» вывода о возрасте («полная — значит старше»; «полная — может выглядеть старше, значит, все-таки моложе»). При восприятии третьей пары наличие морщин аргументирует каждую из трех точек зрения на соотношение возраста, также большая доля высказываний содержит ссылку на состояние лица в целом, без выделения отдельных его характеристик, на одежду («сдержанный стиль в одежде», «одежда соответствует людям одного возраста» и т.п.), на состо-

яние кожи лица («сухая, дряблая кожа»), на взгляд («опять выдают глаза прожитую жизнь, хоть женщина выглядит супер»). В целом при восприятии возраста молодых мужчин и женщин-ровесников «оценщики» опираются, в первую очередь, на социальный ВО («одежда», «прическа») и динамический компонент ВО («взгляд»), а при восприятии возраста зрелых мужчин и женщин — на физический ВО («морщины», «телосложение и т.д.). Интересно, что значительная часть высказываний (около 15%) участников исследования не дифференцирована с точки зрения конкретных критериев возраста, есть только указание, что «ВО в целом» или то, что они «так выглядят», позволило сделать вывод о воз-

расте. Также в среднем около 20% участников исследования не смогли назвать ни одного критерия, на который они опирались при решении поставленной задачи.

Обсуждение результатов

В исследовании обнаружена гендерная асимметрия при сравнении ВВ мужчин и женщин-ровесников: молодая женщина воспринимается другими людьми старше мужчины аналогичного возраста, а зрелая женщина — моложе мужчины аналогичного возраста, при этом чем старше воспринимаемые мужчина и женщина-ровесники, тем эта тенденция значительнее. Полученные данные могут быть интерпретированы следующим образом. Во-первых, продолжительность жизни мужчин и женщин различается в среднем на 10 лет: по последним данным ООН [36], ожидаемая продолжительность жизни российских женщин в 2019 году составляла 77,54 года, мужчин — 66,81 года. В ряде работ [25; 41] показано, что ВВ в большей степени ассоциирован с биологическим возрастом, чем с хронологическим. Таким образом, мужчины и женщины одного хронологического возраста могут иметь разный биологический возраст и, как следствие, разный ВВ. Проведенный анализ демонстрирует, что в процессе социального познания и восприятия воспринимающий человек неосознанно фиксирует будущий «жизненный потенциал» мужчин и женщин, приписывая женщине более молодой возраст, чем ее ровеснику-мужчине. Однако эта линия рассуждений не объясняет перекося в ВВ молодых мужчины и женщины.

Во-вторых, полученные данные могут быть объяснены влиянием социального ВО на ВВ. На сегодняшний момент выявлено [8], что целостное оформление ВО женщин влияет на их ВВ, основная тенденция данного влияния — омоложение. Учеными показано, что целостное

оформление ВО влияет на социальное восприятие через восходящие маршруты, изменяя визуальные сигналы (контраст лица, однородность кожи, модная одежда, современная прическа и т.д.), а также через нисходящие маршруты, актуализируя социальные представления и нормы, связанные с использованием тех или иных элементов оформления ВО (например, применение макияжа у молодых женщин ассоциировано с отнесением их к более взрослой возрастной группе). У современных женщин имеется значительно больше социально приемлемых (и социально предписанных) инструментов трансформации их ВО, чем у мужчин. Так как все «модели»-женщины использовали макияж лица, хоть и в достаточно сдержанном варианте, это повлияло на особенности конструирования их возраста, в том числе и первой (молодой) пары мужчина/женщина.

Вторая линия интерпретации приводит нас к пониманию социальных и культурных причин обнаруженных гендерных различий. Так, несмотря на то, что нормативная обеспокоенность своим ВО на современном этапе развития общества фиксируется учеными как у мужчин, так и у женщин [23], к женщинам в современном обществе предъявляется гораздо больше требований, связанных с поддержанием более привлекательного и молодого ВО. Исследования, проведенные в России, Китае, европейских странах [23; 33], показывают, что молодой возраст и привлекательный ВО считаются активами для женщин, в то время как для мужчин капиталом считаются образование и более высокий доход. Женщины подвергаются влиянию сразу трех дискриминационных практик: лукизма, сексизма и эйджизма, приводящих к более высокому уровню переживаемого ими «стресса старения» [19]. Ученые обнаруживают пересечение

лукизма, сексизма и эйджизма по отношению к пожилым женщинам в различных сферах: от интимной жизни [28; 32] до электорального поведения [39]. Теневой стороной широко распространенной в настоящее время концепции «активного старения» является социальное конструирование «моложавости» как эталона в любом возрасте, что приводит к стремлению женщин скрывать свой возраст [9]. Это лишает современных пожилых женщин собственной возрастной идентификации, заставляет их возвращаться на предыдущий этап своего развития и конкурировать с молодыми за ресурсы и, в том числе, за молодой и привлекательный ВО. И.А. Григорьева пишет в этой связи: «в гендерном порядке в настоящее время сохраняются традиционные гендерные стереотипы, обосновывающие структурное социальное неравенство по принципу пола и возраста: женщина — товар, мужчина — покупатель, молодые женщины имеют право на выбор, а пожилые должны следовать традициям общества» [9, с. 11]. Проведенное исследование обнаруживает последствия вышеназванных гендерных стереотипов и связанных с ними практик ухода за своим ВО на уровне социального восприятия и познания: да, зрелые женщины выглядят моложе ровесников-мужчин, уравнивая свои возможности и ресурсы с помощью более молоджавого ВО; да, молодые женщины выглядят старше своих ровесников-мужчин, демонстрируя в противовес мужчинам зрелость и связанные с этим возрастным этапом компетентность, мудрость, профессионализм.

Полученные данные позволяют прогнозировать электоральное поведение [39] (исследования показывают, что намерение голосовать за кандидата-женщину последовательно снижается вслед за ее ВВ; за мужчину, напротив, повышается вплоть до 45 лет, затем не-

много снижается); специфику гендерной конкуренции на рынке труда «предпенсионеров» (мы предполагаем, что зрелая женщина может иметь некоторое преимущество при равных профессиональных компетенциях в сферах, где молоджавый ВО имеет значение); брачное поведение мужчин и женщин [28] (предполагаем, что асимметрия «зрелая женщина — молодой мужчина» будет все более распространена).

Заключение

Проведенное исследование проливает свет на гендерно-специфичные закономерности конструирования ВВ при восприятии мужчин и женщин-ровесников, обусловленные гендерными стереотипами и связанными с ними практиками ухода за своим ВО: зрелые женщины (как до, так и после 50 лет) выглядят моложе ровесников-мужчин, уравнивая свои возможности и ресурсы с помощью более молоджавого ВО; молодые женщины выглядят старше своих ровесников-мужчин, демонстрируя зрелость, ассоциированную с более старшим ВВ.

Также обнаружено, что на конструирование возраста мужчин и женщин-ровесников влияют возраст и пол субъекта восприятия: чем больше разница в возрасте субъекта и объекта восприятия, тем в меньшей степени он фиксирует разницу в возрасте мужчин и женщин-ровесников, относящихся к максимально отдаленной от субъекта восприятия возрастной группе; среди мужчин-субъектов восприятия выше доля тех, кто оценивает женщину (любой возрастной группы) старше мужчины, а среди женщин — доля тех, кто оценивает мужчину старше женщин. На наш взгляд, последний факт может свидетельствовать о взаимной возрастной стигматизации, возникающей уже в процессе социально-

го восприятия (мужчина стигматизирует женщину, а женщина — мужчину, так как и те и другие соперничают за молодежавый ВО и связанные с ним ресурсы).

Процесс конструирования возраста незнакомого другого недостаточно осознается воспринимающим субъектом, что ставит перед исследователями задачу выявления неосознаваемых механизмов и стратегий конструирования возраста.

Ограничениями данного исследования являются достаточно узкий круг «моделей», а также тот факт, что в процессе восприятия возраста участвуют все компоненты ВО «моделей» («модели» не унифицированы с точки зрения одежды, аксессуаров, отсутствия макияжа и т.п.). При этом для нас интерес представляет «реально осуществляемые людьми повседневные практики общения в различных социальных контекстах» [7, с. 44], что соответствует современной гендерной ме-

тодологии [18]; изучение конструирования возраста в процессе «неочищенной» повседневности, ведь, как отмечала классик отечественной социальной психологии Г.М. Андреева, основной проблемой социального познания является выявление того, как обычный человек познает окружающий его повседневный мир [1].

Перспективами исследования является уточнение полученных данных на других мужчинах и женщинах-«моделях»; проведение сравнительного анализа вклада различных компонентов ВО в структуру восприятия возраста мужчин и женщин; отдельное изучение влияния оформления ВО мужчин на их ВВ и сравнение с полученными данными на женских выборках; разработка дизайна исследования по выявлению неосознаваемых воспринимающим субъектом механизмов и перцептивных стратегий конструирования возраста.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2000. 288 с.
2. Ахмедова Н.Э. Образ мужчины и женщины через призму английской фразеологии // Сборник трудов III Научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского» (г. Симферополь, 01–03 ноября 2017 г.). Симферополь: Издательство КФУ им. В.И. Вернадского, 2018. С. 162–166.
3. Барабанищikov В.А. Когнитивные механизмы невербальной коммуникации. М.: Когито-Центр, 2017. 359 с.
4. Барабанищikov В.А., Суворова Е.В. Гендерные различия в распознавании эмоционального состояния стороннего человека // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 6. С. 107–116.
5. Бодалев А.А. Восприятие человека человеком. СПб.: Мирь, 2015. 240 с.
6. Брюкнер П. Недолговечная вечность: философия долголетия. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. 312 с.
7. Воронцов Д.В. Создание пола, гендера и сексуальности в общении // Прикладная психология общения и межличностного познания: коллективная монография. М.: Кредо, 2015. С. 31–46.
8. Воронцова Т.А. Влияние целостного оформления внешнего облика на воспринимаемый возраст женщин // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 141–160. DOI:10.17759/sps.2020110209
9. Григорьева И.А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщина в российском обществе. 2018. № 1(86). С. 5–18.

10. Демидов А.А., Дивеев Д.А., Кутенев А.В. Оценка возраста и индивидуально-психологических характеристик человека по выражению лица // Экспериментальная психология. 2012. Том 5. № 1. С. 69–81.
11. Диас Е., Арсентьева Е. Фразеологические единицы, обозначающие старый возраст человека, в английском и русском языках // Филология и культура. 2018. № 1(51). С. 57–63.
12. Клепикова Е.А., Колосницына М.Г. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента. 2017. Том 15. № 1. С. 69–88.
13. Клецина И.С. Гендерная социализация в пожилом возрасте // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 3. С. 22–34. DOI:10.17759/sps.2020110302
14. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 72–90.
15. Козина И.М., Зангиева И.К. Возрастная дискриминация при приеме на работу // Дискриминация на рынке труда: современные проявления, факторы и практики преодоления. М.: Институт экономики РАН, 2014. С. 50–63.
16. Лабунская В.А., Дроздова И.И. Теоретико-эмпирический анализ влияния социально-психологических факторов на оценки, самооценки молодыми людьми внешнего облика // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 2. С. 202–226. DOI:10.21702/grj.2017.2.12
17. Листраткина К.А. Репрезентация концепта «Старость» в паремиологическом фонде русского и английского языков // Известия ВГПУ. 2012. Том 72. № 8. С. 50–53.
18. Овсяник О.А. Гендерные особенности восприятия возрастных изменений женщинами 40–60 лет // Психологические исследования. 2012. № 2(22). С. 8. DOI:10.54359/ps.v5i22.788
19. Осминович А.А. Активность в омоложении внешнего облика как совладание со стрессом старения у женщин средней зрелости // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27. № 3. С. 140–146. DOI:10.34216/2073-1426-2021-2
20. Петренко В.Ф., Супрун А.П., Янова Н.Г. Психосемантическое исследование визуального восприятия женщин мужчинами (российская ментальность) // Национальный психологический журнал. 2017. № 4(28). С. 67–74.
21. Сайдашева Э.А., Нургалиева Л.А. Сопоставительный анализ передачи гендерного признака фемининности в английских и русских пословицах и поговорках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10–3(64). С. 144–149.
22. Семенова Л.Э., Семенова В.Э. Гендерная методология научных исследований: новые возможности в познании объективной и субъективной реальности // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 239–243.
23. Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования. Коллективная монография / Под научной ред. В.А. Лабунской, Г.В. Серикова, Т.А. Шкурко. Ростов-на-Дону: Издательство Мини-Тайп, 2019. 456 с.
24. Шкурко Т.А. Фотовидеопрезентации внешнего облика как метод изучения воспринимаемого возраста человека // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 104–117. DOI:10.17759/sps.20180903113
25. Шкурко Т.А., Лабунская В.А. Почему мы выглядим моложе или старше своих лет: поиск психологических детерминант // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 450–457. DOI:10.18500/1819-7671-2018-18-4-450-456
26. Шкурко Т.А., Николаева Е.Г. Компоненты внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста // Социальная психология и общество. 2015. Том 6. № 4. С. 78–90. DOI:10.17759/sps.2015060406
27. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психологического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6–20.

28. *Alarie M.* Sleeping With Younger Men: Women's Accounts of Sexual Interplay in Age-Hypogamous Intimate Relationships // Journal of Sex Research. 2020. Vol. 57. Issue 3. P. 322–334.
29. *Flament F., Abric A., Amar D.* Gender-related differences in the facial aging of Chinese subjects and their relations with perceived ages // Skin Research and Technology. 2020. Vol. 26. Issue 6. P. 905–913. DOI:10.1111/srt.12893
30. *Flament F., Abric A., Prunel A., Cassier M., Delaunay C.* The respective weights of facial signs on the perception of age and a tired-look among differently aged Korean men // Skin Research and Technology. 2021. Vol. 27. Issue 5. P. 909–917. DOI:10.1111/srt.13041
31. *Flament F., Belkebla S., Adam A.S., Abric A., Amar D.* Gender-related differences in the facial aging of Caucasian French subjects and their relations with perceived ages and tiredness // Journal of Cosmetic Dermatology. 2021. Vol. 20. Issue 1. P. 227–236. DOI:10.1111/jocd.13446
32. *Gewirtz-Meydan A., Ayalon L.* Forever young: Visual representations of gender and age in online dating sites for older adults // Journal of Women & Aging. 2018. Vol. 30. Issue 6. P. 484–502. DOI:10.1080/08952841.2017.1330586
33. *Gui T.* «Devalued» Daughters Versus «Appreciated» Sons: Gender Inequality in China's Parent-Organized Matchmaking Markets // Journal of family issues. 2017. Vol. 38. Issue 13. P. 1923–1948. DOI:10.1177/0192513X16680012
34. *Lawrence J.H.* The effect of perceived age on initial impressions and normative role expectations // International Journal of Aging and Human Development. 1974. Vol. 5. Issue 4. P. 369–391.
35. *Nkengne A., Bertin C., Stamatas G.N., Giron A., Rossi A., Issachar N., Ferti B.* Influence of facial skin attributes on the perceived age of Caucasian women // Journal of The European Academy of Dermatology and Venereology. 2008. Vol. 22. Issue 8. P. 982–991. DOI:0.1111/j.1468-3083.2008.02698.x
36. Population Dynamics World Population Prospects 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://population.un.org/wpp2019/Download/Standard/Mortality/> (дата обращения: 01.07.2022).
37. *Reeves M.D., Fritzsche B.A., Marcus J., Smith N.A., Ng Y.L.* Beware the young doctor and the old barber?: Development and validation of a job age-type spectrum // Journal of Vocational Behavior. 2021. Vol. 129. Article Number 103616. DOI:10.1016/j.jvb.2021.103616
38. *Russell R., Batres C., Courrèges S., Kaminski G., Soppelsa F., Morizot F., Porcheron A.* Differential effects of makeup on perceived age // British Journal of Psychology. 2019. Vol. 110(1). P. 87–100. DOI:10.1111/bjop.12337
39. *Shen Y.A., Shoda Y.* How Candidates' Age and Gender Predict Voter Preference in a Hypothetical Election // Psychological Science. 2021. Vol. 32. Issue 6. P. 934–943.
40. *Stypinska J., Turek K.* Hard and soft age discrimination: the dual nature of workplace discrimination // European Journal of Ageing. 2017. Vol. 14. Issue 1. P. 49–61. DOI:10.1007/s10433-016-0407-y
41. *Uotinen V., Rantanen T., Suutama T.* Perceived age as a predictor of old age mortality: A 13-year prospective study // Age and Ageing. 2005. Vol. 34. Issue 4. P. 368–372.
42. *Voelkle M.C., Ebner N.C., Lindenberger U., Riediger M.* Let Me Guess How Old You Are: Effects of Age, Gender, and Facial Expression on Perceptions of Age // Psychology and Aging. 2012. Vol. 27. Issue 2. P. 265–277.

References

1. Andreeva G.M. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya [Psychology of social cognition]. Moscow: Aspekt-Press Publ., 2000. 288 p. (In Russ.).
2. Akhmedova N.E. Obraz muzhchiny i zhenshchiny cherez prizmu angliiskoi frazeologii [The image of a man and a woman through the prism of English phraseology]. Sbornik trudov III Nauchnoi konferentsii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov, studentov i molodykh uchenykh «Dni nauki Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo» (g. Simferopol, 01–03 noyabrya 2017 g.) [Proceedings of the III Scientific Conference of faculty, postgraduates, students and young scientists “Days of Science of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University”]. Simferopol: Publ. of the V.I. Vernadsky KFU, 2018, pp. 162–166. (In Russ.).

3. Barabanshchikov V.A. Kognitivnye mekhanizmy neverbal'noi kommunikatsii [Cognitive mechanisms of nonverbal communication]. Moscow: Kogito-Center Publ., 2017. 359 p. (In Russ.).
4. Barabanshchikov V.A., Suvorova E.V. Gendernye razlichiya v raspoznavanii emotsional'nogo sostoyaniya storonnogo cheloveka [Gender differences in the recognition of the emotional state of an outsider]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, 2021. Vol. 26, no. 6, pp. 107–116. (In Russ.).
5. Bodalev A.A. Vospriyatie cheloveka chelovekom [Perception of a person by a person]. Saint Petersburg: Mir Publ., 2015. 240 p. (In Russ.).
6. Bryukner P. Nedolgovechnaya vechnost': filosofiya dolgoletiya [Short-lived eternity: the philosophy of longevity]. Saint Petersburg: Ivan Limbakh Publ., 2021. 312 p. (In Russ.).
7. Vorontsov D.V. Sozdanie pola, gendera i seksual'nosti v obshchenii [Creating gender, gender and sexuality in communication]. *Prikladnaya psikhologiya obshcheniya i mezhlchnostnogo poznaniya: kollektivnaya monografiya [Applied psychology of communication and interpersonal cognition: a collective monograph.]*. Moscow: Kredo Publ., 2015, pp. 31–46. (In Russ.).
8. Vorontsova T.A. Vliyaniye tselostnogo oformleniya vneshnego oblika na vosprinimaemyi vozrast zhenshchin [The influence of holistic appearance design on the perceived age of women]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 141–160. DOI:10.17759/sps.2020110209 (In Russ.).
9. Grigor'eva I.A. Pozhilye zhenshchiny: "vниз po lestnitse" vozrasta i gendera [Elderly women: "down the ladder" of age and gender]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society*, 2018. Vol. 1, issue 86, pp. 5–18.
10. Demidov A.A., Diveev D.A., Kutenev A.V. Otsenka vozrasta i individual'no-psikhologicheskikh kharakteristik cheloveka po vyrazheniyu litsa [Assessment of age and individual psychological characteristics of a person by facial expression]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental psychology*, 2012. Vol. 5, no. 1, pp. 69–81. (In Russ.).
11. Dias E., Arsent'eva E. Frazeologicheskie edinitsy, obznachayushchie staryi vozrast cheloveka, v angliiskom i russkom yazykakh [Phraseological units denoting the old age of a person in English and Russian]. *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*, 2018, no. 1(51), pp. 57–63. (In Russ.).
12. Klepikova E.A., Kolosnitsyna M.G. Eidzhizm na rossiiskom rynke truda: diskriminatsiya v zarabotnoi plate [Ageism in the Russian labor market: wage discrimination]. *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta = Russian Journal of Management*, 2017. Vol. 15, no. 1, pp. 69–88. (In Russ.).
13. Kletsina I.S. Gendernaya sotsializatsiya v pozhilom vozraste [Gender socialization in old age]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 22–34. DOI:10.17759/sps.2020110302
14. Kletsina I.S., Ioffe E.V. Normy zhenskogo povedeniya: traditsionnaya i sovremennaya modeli [Norms of female behavior: traditional and modern models]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society*, 2019, no. 3, pp. 72–90.
15. Kozina I.M., Zangieva I.K. Vozrastnaya diskriminatsiya pri prieme na rabotu [Age discrimination in employment]. *Diskriminatsiya na rynke truda: sovremennye proyavleniya, faktory i praktiki preodoleniya [Discrimination in the labor market: modern manifestations, factors and practices of overcoming.]*. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2014, pp. 50–63. (In Russ.).
16. Labunskaya V.A., Drozdova I.I. Teoretiko-empiricheskiy analiz vliyaniya sotsialnopsikhologicheskikh faktorov na otsenki, samootsenki molodymi lyudmi vneshnego oblika [Theoretical and empirical analysis of the impact of social and psychological factors on the assessment, self-assessment of young people's appearance]. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal = Russian psychological journal*, 2017. Vol. 14, no. 2, pp. 202–226. DOI:10.21702/rpj.2017.2.1214 (In Russ.).
17. Listratkina K.A. Reprezentatsiya kontsepta «Starost'» v paremiologicheskom fonde russkogo i angliiskogo yazykov [Representation of the concept of "Old Age" in the paremiological fund of

- Russian and English languages]. *Izvestiya VGPU = News of the VSPU*, 2012. Vol. 72, no. 8, pp. 50–53. (In Russ.).
18. Ovsyanik O.A. Gendernye osobennosti vospriyatiya vozrastnykh izmenenii zhenshchinami 40–60 let [Gender peculiarities of perception of age-related changes by women 40-60 years old]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological research*, 2012, no. 2(22), p. 8. (In Russ.).
19. Os'minina A.A. Aktivnost' v omolozhenii vneshnego oblika kak sovladanie so stressom stareniya u zhenshchin srednei vzroslosti [Activity in rejuvenation of appearance as coping with the stress of aging in middle-aged women]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2021. Vol. 27, no. 3, pp. 140–146. DOI:10.34216/2073-1426-2021-2
20. Petrenko V.F., Suprun A.P., Yanova N.G. Psikhosemanticheskoe issledovanie vizual'nogo vospriyatiya zhenshchin muzhchinami (rossiiskaya mental'nost') [Psychosemantic study of visual perception of women by men (Russian mentality)]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2017, no. 4(28), pp. 67–74. (In Russ.).
21. Saidasheva E.A., Nurgalieva L.A. Sopostavitel'nyi analiz peredachi gendernogo priznaka femininnosti v angliiskikh i russkikh poslovitsakh i pogovorkakh [Comparative analysis of the transmission of the gender attribute of femininity in English and Russian proverbs and sayings]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2016, no. 10–3(64), pp. 144–149. (In Russ.).
22. Semenova L.E., Semenova V.E. Gendernaya metodologiya nauchnykh issledovaniy: novye vozmozhnosti v poznanii ob"ektivnoi i sub"ektivnoi real'nosti [Gender methodology of scientific research: new opportunities in cognition of objective and subjective reality]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Humanities and Social Sciences*, 2014, no. 2, pp. 239–243. (In Russ.).
23. Sotsial'naya psikhologiya vneshnego oblika: teoreticheskie podkhody i empiricheskie issledovaniya. Kollektivnaya monografiya [Social psychology of appearance: theoretical approaches and empirical research. Collective monograph]. In V.A. Labunskaya, G.V. Serikov, T.A. Shkurko. (ed.). Rostov-on-Don: Mini-Taip Publ., 2019. 456 p. (In Russ.).
24. Shkurko T.A. Fotovideoprezentatsii vneshnego oblika kak metod izucheniya vosprinimaemogo vozrasta cheloveka ["Photo-video presentation of appearance" as a method of a person's perceived age studying]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 104–117. DOI:10.17759/sps.2018090311.21 (In Russ.).
25. Shkurko T.A., Labunskaya V.A. Pochemu my vyglyadim molozhe ili starshe svoikh let: poisk psikhologicheskikh determinant [Why we look younger or older than our years: the search for psychological determinants]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = News of Saratov University. A new series. Philosophy series. Psychology. Pedagogy*, 2018. Vol. 18, no. 4, pp. 450–457. DOI:10.18500/1819-7671-2018-18-4-450-456 (In Russ.).
26. Shkurko T.A., Nikolaeva Ye.G. Komponenty vneshnego oblika v strukture vospriyatiya vizualnykh prezentatsiy vozrasta [Components of appearance in the structure of perception of visual presentations of age]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2015. Vol. 6, no. 4, pp. 78–90. DOI:10.17759/sps.201506040623 (In Russ.).
27. El'konin D.B. K probleme periodizatsii psikhologicheskogo razvitiya v detskom vozraste [To the problem of periodization of psychological development in childhood]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 1971, no. 4, pp. 6–20. (In Russ.).
28. Alarie M. Sleeping With Younger Men: Women's Accounts of Sexual Interplay in Age-Hypogamous Intimate Relationships. *Journal of Sex Research*, 2020. Vol. 57, issue 3, pp. 322–334.
29. Flament F, Abric A., Amar D. Gender-related differences in the facial aging of Chinese subjects and their relations with perceived ages. *Skin Research and Technology*, 2020. Vol. 26, issue 6, pp. 905–913. DOI:10.1111/srt.12893

30. Flament F., Abric A., Prunel A., Cassier M., Delaunay C. The respective weights of facial signs on the perception of age and a tired-look among differently aged Korean men. *Skin Research and Technology*, 2021. Vol. 27, issue 5, pp. 909–917. DOI:10.1111/srt.13041
31. Flament F., Belkebla S., Adam A.S., Abric A., Amar D. Gender-related differences in the facial aging of Caucasian French subjects and their relations with perceived ages and tiredness. *Journal of Cosmetic Dermatology*, 2021. Vol. 20, issue 1, pp. 227–236. DOI:10.1111/jocd.13446
32. Gewirtz-Meydan A., Ayalon L. Forever young: Visual representations of gender and age in online dating sites for older adults. *Journal of Women & Aging*, 2018. Vol. 30, issue 6, pp. 484–502. DOI:10.1080/08952841.2017.1330586
33. Gui T. «Devalued» Daughters Versus «Appreciated» Sons: Gender Inequality in China's Parent-Organized Matchmaking Markets. *Journal of family issues*, 2017. Vol. 38, issue 13, pp. 1923–1948. DOI:10.1177/0192513X16680012
34. Lawrence J.H. The effect of perceived age on initial impressions and normative role expectations. *International Journal of Aging and Human Development*, 1974. Vol. 5(4), pp. 369–391.
35. Nkengne A., Bertin C., Stamatias G.N., Giron A., Rossi A., Issachar N., Ferti B. Influence of facial skin attributes on the perceived age of Caucasian women. *Journal of The European Academy of Dermatology and Venereology*, 2008. Vol. 22, issue 8, pp. 982–991. DOI:0.1111/j.1468-3083.2008.02698.x
36. Population Dynamics World Population Prospects 2019 [Electronic resource]. URL: <https://population.un.org/wpp2019/Download/Standard/Mortality/> (Accessed 01.07.2022)
37. Reeves M.D., Fritzsche B.A., Marcus J., Smith N.A., Ng Y.L. Beware the young doctor and the old barber”: Development and validation of a job age-type spectrum. *Journal of Vocational Behavior*, 2021. Vol. 129, article Number103616. DOI:10.1016/j.jvb.2021.103616
38. Russell R., Batres C., Courrèges S., Kaminski G., Soppelsa F., Morizot F., Porcheron A. Differential effects of makeup on perceived age. *British Journal of Psychology*, 2019. Vol. 110(1), pp. 87–100. DOI:10.1111/bjop.12337
39. Shen Y.A., Shoda Y. How Candidates' Age and Gender Predict Voter Preference in a Hypothetical Election. *Psychological Science*, 2021. Vol. 32, issue 6, pp. 934–943.
40. Stypinska J., Turek K. Hard and soft age discrimination: the dual nature of workplace discrimination. *European Journal of Ageing*, 2017. Vol. 14, issue 1, pp. 49–61. DOI:10.1007/s10433-016-0407-y
41. Uotinen V., Rantanen T., Suutama T. Perceived age as a predictor of old age mortality: A 13-year prospective study. *Age and Ageing*, 2005. Vol. 34, issue 4, pp. 368–372.
42. Voelkle M.C., Ebner N.C., Lindenberger U., Riediger M. Let Me Guess How Old You Are: Effects of Age, Gender, and Facial Expression on Perceptions of Age. *Psychology and Aging*, 2012. Vol. 27, issue 2, pp. 265–277.

Информация об авторах

Воронцова Татьяна Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Академия психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1717-7059>, e-mail: shkurko@sfedu.ru

Information about the authors

Tatyana A. Vorontsova, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Social Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1717-7059>, e-mail: shkurko@sfedu.ru

Получена 16.07.2022

Принята в печать 18.10.2022

Received 16.07.2022

Accepted 18.10.2022